

Прошло немало времени, прежде чем Е Цзянь снова уселся у костра. Бросив взгляд на Шу Сюня, который уже сладко спал, уютно устроившись в его перчатке, он вынул из кармана побег белого скального дерева и принялся за работу — нужно было закончить лук со стрелами.

За стенами дома стирались грани между днем и ночью. В морозном воздухе клубилось лишь тусклое голубоватое свечение. Со временем этот призрачный свет начинал убаюкивать, навевая странную, обманчивую сонливость — чудилось, будто весь мир погрузился в летаргический сон, от которого ему уже не суждено очнуться.

И Шу Сюнь, и Е Цзянь понимали, что застряли здесь надолго. Из найденных записей следовало, что между вспышками голубого свечения проходит пятнадцать дней, а на потепление после первой волны ушло около десяти. Если у этого смертоносного сияния имелся строгий цикл, то им предстояло провести в заброшенном коттедже как минимум полторы недели.

Но реальность оказалась куда суровее. Пошел десятый день, однако снаружи не потеплело ни на градус. К тому же еще три дня назад у них закончились припасы, да и ветки белого скального дерева были на исходе. Медлить дальше означало остаться без огня. Они ведь не были Цин Мо и не знали, как тот ухитрялся выживать в подобный мороз. Без спасительного пламени при температуре ниже восьмидесяти градусов их не спасет даже каменный дом — смерть от переохлаждения настигнет их за считанные часы.

В глубине коттеджа, завернувшись в мягкое полотенце вместо одеяла, Шу Сюнь уныло сидел у костра. Теплые янтарные отсветы пламени дарили крупицу уюта, но малыш все равно негромко чихнул. Звук вышел совсем крошечным, однако в звенящей тишине он прозвучал на удивление отчетливо.

Е Цзянь опустил взгляд на закутанного в полотенце Пушка. Малыш сидел с на редкость невозмутимым видом, словно этот чих к нему вообще не имел отношения. Посмотрев на замерзший, окутанный призрачной голубизной мир за окном, мужчина нахмурился — в его глазах застыла суровая решимость.

Чат трансляции

— Сердце разрывается, глядя на Пушка... У Бога Ночи невероятный запас ментальных сил, он и без еды протянет неделю. Но этот малыш такой крохотный, ему ведь нужно постоянно подпитывать организм! Три дня голода для него — явный предел.

— Я сейчас глянул общую статистику на официальном канале: почти все локации скованы льдом. Погибла уже половина участников, а ведь игра началась меньше двадцати дней назад!

— Наконец-то до всех дошло: в «Конце зимы» еда и тепло равнозначны. Одно без другого бесполезно.

— Страшно, что наш пушистик вот-вот упадет без сил.

— Сюньсюнь держится из последних сил, чтобы не обременять Е Цзяня и не мешать ему принимать решения. Боже, ну как можно быть настолько заботливым крохой!

В теплом отсвете костра лицо Е Цзяня казалось каменным. Он все так же невозмутимо обтачивал древки стрел — уверенно, без тени спешки. Завернутый в свое полотенце-одеяло Шу Сюнь сонно прикрыл глаза и тихонько зевнул. Без еды его крошечное тельце быстро теряло энергию, силы таяли, и в последние дни его неудержимо клонило в сон. Малыш зевнул еще раз, другой, и его круглая голова начала мелко покачиваться...

А в следующее мгновение он просто повалился набок прямо в своем коконе и мгновенно засопел носом.

Чат трансляции

— Боже, когда Сюньсюнь упал, у меня аж сердце замерло! Думала, все!

— Ага, а он просто вырубился за долю секунды! Кто еще сидел в ступоре, пока не услышал это умильное сопение?

— Наш Пушок слишком гордый. Оставил бы себе втихаря хоть пару белых скальных орехов, сейчас бы не спал сутками от бессилия.

— Предыдущий комментатор, разуй глаза! Вот потому тебе никогда и не стать напарником великого Бога Ночи. Шу Сюнь видит в себе полноценного члена команды, а не беспомощную зверушку, которую нужно опекать.

— Именно за это его так и любишь... Но смотреть на него все равно больно.

— Погодите, а что делает Бог Ночи? Снова мастерит что-то?

— Кажется, он решил перешить то самое полотенце, в которое заворачивался Пушок. Какой же наш суровый вожак все-таки домовитый!

За последние десять дней зрители успели вдоволь наудивляться. Образ неприступного, вечно угрюмого воина, который годами поддерживал Бог Ночи, трещал по швам. Оказалось, у этого

сурового мужчины есть сторона, о которой никто и не догадывался. Когда Шу Сюнь бодрствовал, Е Цзянь демонстративно игнорировал его, занимаясь исключительно оружием. Но стоило малышу уснуть, как грозный боец тихонько снимал с его лапок неумело сшитые крохотные носочки, доставал нитки с иглой, лоскуты мягкой ткани и принимался бережно их перешивать, утепляя изнутри.

На следующее утро проснувшийся Шу Сюнь принимался радостно скакать вокруг костра, а потом, забавно сложив пухлые лапки, вежливо благодарил напарника. Е Цзянь лишь безучастно кивал с неизменно ледяным видом. Но едва малыш засыпал, мужчина забирал его крошечный шарфик и принимался за новую переделку.

В этой гнетущей, смертельно опасной обстановке Е Цзянь не спеша, день за днем приводил в порядок нехитрые пожитки своего спутника. По одной вещи за раз. В конце концов даже простая перчатка превратилась в полноценный спальный мешок, плотно набитый мягким пухом. Благодаря этим маленьким утренним чудесам Шу Сюнь, несмотря на голод и слабость, каждое утро находил в себе силы немного порезвиться у огня.

Вот и сейчас Е Цзянь бережно переложил погрузившегося в глубокий сон малыша в спальный конверт. Руки, способные голыми пальцами разорвать на части любого хищника, касались Пушка с невероятной, трепетной осторожностью — тот даже не пошевелился, продолжая тихонько сопеть.

Под пальцами мастера махровое полотенце быстро превратилось в изящное стеганое одеяльце, которое он аккуратно сложил у изголовья импровизированной кровати. Шу Сюнь спал беспробудно, но его щеки потеряли привычный здоровый румянец, подернувшись болезненной бледностью. Крохотные лапки судорожно сжимали край конверта, который едва заметно вздымался в такт его слабому дыханию.

Е Цзянь долго и молча всматривался в бледное личико, а затем медленно, словно преодолевая нерешительность, протянул указательный палец к его макушке.

Чат трансляции

— Наш суровый Бог Ночи просто не может быть... таким умильным!

— Да ладно вам, признайтесь: мы все давно мечтали потрогать это алое пятнышко!

— Он что, думает, что если нажать на эту кнопку, у мелкого активируется какая-нибудь секретная функция?

— Ха-ха, а вдруг!

— Черт, я ведь подумал точно так же! Но Пушок продолжает безмятежно сопеть, так что магии

не случилось. Что у него вообще за раса?

— Да ладно, он просто проверяет, нет ли у мелкого жара. Но боже, как же забавно это выглядит!

Стоило длинному пальцу коснуться кожи, как Шу Сюнь, почувствовав сквозь сон легкую щекотку, недовольно завозился. Он перевернулся на бок и забавно потер лоб крошечной лапкой.

Е Цзянь поспешно отдернул руку, озадаченно посмотрел на кончик пальца и тут же вернул лицу предельно серьезное выражение. Он уселся ровнее, всем своим видом показывая, что не имеет к этой глупой шалости никакого отношения. Напарник снова замер неподвижным изваянием, устремив холодный взгляд на пламя. Лицо его оставалось непроницаемой маской.

Время шло. Еще один день близился к концу, а зловещее голубое сияние снаружи даже не думало бледнеть. Наконец Е Цзянь поднялся, подошел к окну и некоторое время всматривался в ледяную мглу. Обернувшись, он молча скользнул взглядом по крохотному спальному конверту угасающего костра. Приняв решение, он вернулся, закрепил за спиной колчан, взял лук, накинул на голову глубокий капюшон куртки и решительно зашагал к выходу.

Чат трансляции

— Что он творит?! Куда собрался?! Такой холод не выдержит ни один живой организм!

— В доме шаром покати. Похоже, Бог Ночи решил рискнуть и выйти на охоту.

— Но какая охота в такой лютый мороз?! Все звери давно вымерли или зарылись глубоко под землю!

— У меня очень нехорошее предчувствие... За последние дни мы видели кучу сильных участников, которые от безысходности совались на улицу и замерзали насмерть. Даже ветераны гибли пачками!

— Готов поспорить, без специфического иммунитета к холоду на открытом воздухе не протянуть и получаса.

Решение Е Цзяня пойти на оправданный, но смертельно опасный риск мгновенно разрушило хрупкий домашний уют трансляции, сменив его глухой тревогой. На самом деле зрители давно

понимали, к чему все идет — припасы кончились, а стужа снаружи и не думала отступать. Лишь трогательное, забавное сосуществование огромного воина и крошечного пушистика до последнего скрашивало суровое выживание, даря иллюзию безопасности. Теперь же малейший неверный шаг напарников заставлял аудиторию буквально замирать от страха.

Е Цзянь навалился плечом на тяжелую входную дверь. С тихим хрустом лопающегося льда створка с трудом поддалась, приоткрывшись лишь на ладонь. В образовавшуюся щель тут же хлынул обжигающий, острый как лезвие бритвы мороз. Мужчина действовал молниеносно: едва зазора хватило, чтобы протиснуться, он выскользнул наружу, и дверь за его спиной плотно закрылась.

Снег под ногами превратился в сухую, стеклянистую пыль, которая, казалось, напрочь утратила способность таять. Оставляя неглубокие вмятины на твердом насте, мужчина быстрым шагом направился к видневшемуся неподалеку лесу белых скальных деревьев.

Он передвигался поразительно быстро и уже через полминуты оказался на опушке. Из сугроба сиротливо торчала туша белого волка — заледеневшая, застывшая в той самой позе, в какой хищник испустил дух. Е Цзянь даже не замедлил шаг, устремляясь мимо нее прямо в глубь чащи. Будучи пробужденным с родословной волка, он не мог заставить себя прикоснуться к мясу сородича. Подобное табу являлось для большинства оборотней врожденным инстинктом.

Тем временем в коттедже Шу Сюнь продолжал спать, зарывшись глубоко в пуховый конверт. Однако его сжавшееся в плотный комочек тельце выдавало, что тепла костра уже не хватает. Истощенный организм терял способность согреваться изнутри — это был верный признак критического дефицита энергии. Если его сейчас не разбудить, он рисковал больше никогда не открыть глаза.

Шу Сюню снился родной дом. Сон был удивительно ярким: тепло, уют, заботливые лица близких, горы лакомств, изумрудные холмы и журчащая речная вода... Все казалось до жути настоящим. Но сквозь эту сладкую грезу пробивался тихий голос разума, шептавший, что все это ложь. На грани угасающего сознания малыш понимал: прекрасные картины — лишь предсмертное видение, а его жизненные силы исчерпаны до самого предела.

В самый разгар этого сонного забытья его губ коснулось что-то теплое, пахнущее сладким молоком. Шу Сюнь с трудом приоткрыл веки и увидел Е Цзяня. Мужчина, молчаливый и надежный, как скала, сидел рядом. От его темных одежд все еще веяло ледяным уличным сквозняком, но прямо сейчас он бережно подносил к лицу малыша кусочек теплой, запеченной мякоти белого скального ореха.

Кое-как выбравшись из спального конверта, Шу Сюнь покачнулся — тело казалось ватным, в голове шумело. Он смутно помнил, что только что видел какой-то сон, но детали стерлись. Впрочем, раздумывать было некогда: аппетитный запах мгновенно вытеснил все лишние мысли. Схватив кусочек лакомства обеими лапками, малыш без лишних церемоний принялся его уплетать.

— На улице теплеет, — раздался над головой спокойный голос Е Цзяня. — Скоро выдвигаемся. К вечеру доберемся до городка Белых Скал, там сможем нормально поесть.

Шу Сюнь перестал жевать. Опустив взгляд на раскрытую ладонь напарника, он увидел там лишь сиротливую горстку белых скальных орехов. Всего шесть штук.

<http://bllate.org/book/20265/2192393>